

В.В. Сидорин*

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЛОСОФИИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА
В ГЕРМАНИИ: М. АЛЬТМАЙЕР**

В статье рассматривается новейший этап рецепции творчества Вл. Соловьева в Германии на примере одной из последних немецкоязычных работ об отечественном мыслителе Микаэля Бертрама Альтмайера, анализируется авторское исследование антропологических, христологических и эсхатологических аспектов религиозно-философской мысли Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого. Автор прослеживает аргументацию Альтмайера, приводящую его к одному из главных выводов работы о том, что Соловьев приходит к учению об обожении, встраивая концепцию теозиса в собственную философию, и в целом остается крепко связанным с церковной традицией, в то время как Толстой говорит не об обожении человеческого, но скорее об очеловечивании божественного. По мнению автора, исследование Альтмайера позволяет считать, что активная рецепция философии Вл. Соловьева католическими и протестантскими кругами Германии на протяжении XX в. продолжается и в текущем столетии, что является одним из факторов, позволяющих Германии удерживать лидирующие позиции в европейском соловьеведении.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, Л.Н. Толстой, православная теология, христология, антропология, эсхатология, русская философия

The latest research on Vladimir Solovyov's philosophy in Germany: M. Altmaier. VLADIMIR V. SIDORIN (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article discusses the latest studies of Vladimir Solovyov's works in Germany, focusing on the book of Michael Bertram Altmaier «Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde». The author traces Altmaier's analysis of the anthropological, Christological and eschatological aspects of religious and philosophical thought of Vladimir Solovyov and Leo Tolstoy. According to the author, Altmaier's study suggests that the active reception of Solovyov's philosophy by Catholic and Protestant circles of Germany that has been witnessed throughout the XX century continues today, allowing Germany to maintain a leading position in European studies of Russian philosopher's heritage.

Keywords: Vladimir Solovyov, Lev Tolstoy, Orthodox theology, Christology, anthropology, eschatology, Russian philosophy

---

* СИДОРИН Владимир Витальевич, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

E-mail: vlavitsidorin@gmail.com

© Сидорин В.В., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-011-00764а.

Владимир Соловьев – пожалуй, самая известная в европейском культурном пространстве фигура из истории русской философии. И наибольший отклик философия Вл. Соловьева получила в Германии: именно там творчество русского мыслителя вызвало многолетний интерес как в философских, так и в богословских кругах. Именно с Германией связан и выдающийся научно-исследовательский проект в области соловьеведения, до сих пор не имеющий аналогов даже в России, – 9-томное критическое издание сочинений мыслителя под редакцией В. Леттенбауэра, В. Шилкарского, Л. Мюллера и др. (1954–1980 гг.) [13]. В рамках этого проекта не только был выполнен перевод и комментарий основных произведений Вл. Соловьева, но и появились исследовательские работы по тем или иным аспектам соловьевской философии: монография по соловьевской философии права Ганса Гельмута Гэнцеля, текстологическое исследование «Оправдания добра» Бруно Вембриса [11; 15]. Активные исследования в области философии Соловьева вели Л. Венцлер, Г. Дам и ряд других специалистов по истории русской культуры [10; 16]. После окончания проекта, ухода из жизни или выхода на академическую пенсию представителей этого поколения исследователей русской философии интенсивность немецкоязычных штудий философии Вл. Соловьева в начале XXI в. уменьшилась, позволяя, тем не менее, сохранять современной Германии одну из лидирующих позиций в области европейского соловьеведения. Рецепция и исследования продолжались П. Эленом, Д. Белкиным [3; 8; 9]. В настоящее время исследование философии Соловьева ведутся Р. Решикой, Х. Шталь, М. Альтмайером, что позволяет говорить о новейшем периоде рецепции его наследия в Германии [7; 12; 14]. Работа последнего «Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ëv und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde» («Обожение у Вл. Соловьева и Л. Толстого: диалог, который так и не состоялся»), на которой нам и хотелось бы остановиться более детально в данной статье, посвящена одной из самых интересных и обсуждаемых тем в контексте позднего творчества философа.

Отношения между философом и писателем удивляют своей сложностью и противоречивостью: с одной стороны, по-видимому, понимая и чувствуя масштаб и значимость личности друг друга, они не могли не присматриваться, прислушиваться один к другому, не пытаться

выстроить сколь-нибудь ровных взаимоотношений, с другой стороны, принципиальные расхождения во взглядах с каждым годом знакомства становились все более многочисленными. А.Ф. Лосев в своей работе «Владимир Соловьев и его время» предпочитал подчеркивать негативное отношение Соловьева к Толстому, «пренебрежение» и «нелюбовь» первого ко второму, лишь время от времени смягчаемое «объективным добродушием и благожелательностью» философа [1, с. 407–413]. Однако наиболее удачно, на наш взгляд, это противоречивое взаимодействие сил притяжения и отталкивания между Соловьевым и Толстым удалось выразить К.В. Мочульскому: «Отношения между Соловьевым и Львом Толстым всегда отличались мучительной сложностью. Эти два человека были полярно противоположны друг другу, и каждая встреча их превращалась в столкновение: они почти физически не могли дышать одним воздухом. Проповедь Толстого оскорбляла самые заветные убеждения Соловьева. Учение Соловьева, его мистика, утопии, пророчества раздражали трезвого реалиста Толстого. И все же что-то притягивало их друг к другу: они сходились, чтобы угрюмо помолчать вдвоем или начать ожесточенный спор» [2, с. 204]¹. При всем своем несогласии с Толстым в 1880-х гг. Вл. Соловьев предпочитал не выступать против него публично. В марте 1884 г. он признавался Н.Н. Страхову: «С тем, что Вы пишете о Достоевском и Л.Н. Толстом, я решительно не согласен. Некоторая непрямота или неискренность (так сказать, сугубость) была в Достоевском лишь шелухой, о которой Вы прекрасно говорите, но он был способен разбивать и отбрасывать эту шелуху, и тогда оказывалось много настоящего и хорошего. А у Л.Н. Толстого непрямота и неискренность более глубокие, – но я не желаю об этом распространяться» [6, I, с. 18]. Однако все большие идейные расхождения с писателем и, по-видимому, его все более усиливающееся влияние на общественность заставили философа уже в следующем десятилетии перейти к открытому противостоянию: толстовская теория опрощения стала мишенью для критики в статье Вл. Соловьев «Идолы и идеалы», а главное произведение философа в последнее десятилетие жизни – «Оправдание добра» – имело антитолстовский пафос не только в общих во-

¹ О Соловьеве и Толстом см. также, например, одноименную лекцию и заметки В.П. Свенцицкого: [4; 5, с. 579–583].

просах (критика отвлеченного субъективизма в нравственности, проблематика смысла войны), но и в многочисленных частностях².

Содержание работы М. Альтмайера «Обожение у Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого» на самом деле существенно шире, чем можно было бы подумать, исходя из основного названия: она посвящена скорее вопросу о том, почему и как оба мыслителя, разделяя массу общих установок и интуиций, тем не менее разошлись так далеко, что их взаимоотношения приняли ярко выраженный враждебный характер. Отсюда и подзаголовок работы – «Диалог, который так и не состоялся», удачно отражающий, на наш взгляд, всю противоречивость взаимоотношений Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого. Сама монография представляет собой дополненное диссертационное исследование автора, выполненное в 2012 г. на философском факультете Вестфальского университета имени Вильгельма II в Мюнстере под руководством профессора Центра религиозных исследований того же университета доктора Ассаада Элиаса Каттана³.

В своем исследовании Альтмайер педантично (в лучшем смысле этого слова) пытается реконструировать антропологические, христологические и эсхатологические аспекты творчества этих выдающихся современников и проследить, как они то сходятся, то – что случается гораздо чаще – расходятся друг с другом. В центр своего внимания автор помещает понятие «обожение», теозис. Отдельного внимания заслуживает авторская точка зрения на актуальность заявленной проблематики: Альт-

майер указывает, что концепция теозиса вновь активно развивается, в первую очередь, в области экуменического диалога, настаивая на том, что в наше время переживается настоящий ренессанс патристической надежды на обожение и связанных с этим поисков ответов на вопрос о месте, роли и задаче в мире каждого отдельного человека. Но это далеко не первое возрождение концепции теозиса: исторически первым ренессансом оказывается, с его точки зрения, русская культура второй половины XIX в., что и делает, в частности, творчество Вл. Соловьева и Л.Н. Толстого в указанном аспекте актуальным и в начале XXI столетия [7, р. 16]. Интеллектуальный опыт обоих важен и самим фактом их возвращения к христианству и пафосом обновления его исторической формы существования: «В ходе своих мировоззренческих поисков оба занимались философскими вопросами и в конце концов нашли дорогу обратно к христианству. <...> Обоим двигало вперед желание сделать его [учение Христа] полезным для нужд времени и освободить православную церковь от ритуального и догматического окаменения» [7, р. 299–300].

Значительную часть своей работы Альтмайер посвящает рассмотрению антропологии Соловьева и Толстого, и из его анализа складывается впечатление, что в этой области Соловьев и Толстой, пожалуй, ближе, чем где-либо еще, хотя бы потому, что оба исходят из общих, традиционно христианских по своему происхождению интуиций, таких как вера в особое положение человека в творении, дуалистическое понимание природы человека, своеобразное оптимистическое, у Соловьева по крайней мере до определенного времени – теория развития. При этом Альтмайер обосновывает, что для Соловьева антропология играет важнейшую роль, встраиваясь в цельную космологическую концепцию, сохраняющую свое очарование и сегодня: «Антропология Вл. Соловьева и его космологическая концепция завораживают и по сей день. Исторические упрощения, выстраивание несуществующих исторических взаимосвязей и общее сомнение в отношении его обращения с религиозной и мировой истории едва ли умаляют это очарование» [7, р. 117]. Толстой же, если можно так выразиться, минимально теоретичен в вопросах антропологии, его интересуют конкретные, практико-ориентированные моменты. И можно было бы говорить об отсутствии между ними серьезного конфликтного потенциала в

² При этом до середины десятилетия Вл. Соловьев еще не оставляет надежды на идейное примирение с Л.Н. Толстым. См., например, письмо М.М. Стасюлевичу от 8 мая 1894 г. и письмо Л.Н. Толстому от 5 июля того же года [6, IV, с. 65; 6, III, с. 37].

³ Доктор Ассаад Элиас Каттан (Assaad Elias Kattan) – профессор Центра религиозных исследований Мюнстерского университета, специалист в области православной теологии. После окончания школы в Бейруте изучал теологию в университетах Ливана, Греции, Германии. В 2001 г. получил степень PhD в Марбургском университете. Автор исследований о Максиме Исповеднике, епископе Антиохийской церкви Георгии Ходре, православии, межконфессиональном диалоге, член различных экуменических групп (Saint Irenaeus Joint Orthodox-Catholic Working Group, Joint Commission for Theological Dialogue between the Catholic Church and the Orthodox Church in Germany, German Ecumenical Study Commission и др.).

антропологических вопросах, если бы не одно обстоятельство – сомнения Толстого насчет воскресения из мертвых. Альтмайер считает, что это становится главной проблемой у Толстого в его антропологии, в силу чего возникает острая проблематизация смерти. Эту трудность Толстой пытается решить, с его точки зрения, двумя способами: во-первых, ему помогает признание дуалистической природы человека. Если человек делает нужный выбор и поворачивается к духовной стороне своего бытия, это помогает справиться со страхом смерти. Во-вторых, нужное решение Толстой находит в повороте от индивидуализма к коллективизму: смерть преодолевается в любви к ближнему.

Вообще стоит отметить, что реконструкция и концептуализация взглядов Толстого представляет наиболее любопытную часть работы Альтмайера: он совершенно справедливо подчеркивает непроясненность множества антропологических, эсхатологических, философских аспектов, лежащих в основе мировоззрения Толстого, просто в силу того, что писатель перед собой такой цели – создания целостной и непротиворечивой системы – и не ставил. Это касается и самого концепта «обожение»: Толстой даже не употреблял подобного термина, а понятие «теозис» у него можно встретить чуть ли не единожды – в полемике с митрополитом Макарием (Булгаковым). Экспликация всех этих ключевых моментов, их своеобразная инвентаризация – одна из ключевых задач, которую Альтмайер пытается разрешить в своем исследовании.

Анализ же христологической и эсхатологической концепций Соловьева и Толстого позволяет ему прийти к главному выводу своей работы. Именно в этих областях мысли Соловьева и Толстого как бы расходятся окончательно, выстраиваясь как своеобразные параллельные программы, которые могут быть сведены к общему знаменателю только в плане самых общих интенций мысли. В частности, если Соловьев выстраивает христологию, в которой в конечном итоге центр тяжести лежит на трансцендентальном, связующем значении Христа для спасения человечества, то Толстой рисует образ социально-критического, если не сказать анархически настроенного Христа. Если для Соловьева Царство Божие – это скорее космологическая цель, то для Толстого – это, в первую очередь, внутреннее состояние. Из этого следует принципиально различное отношение

к церкви, при том, что критический пафос в отношении исторического христианства так или иначе разделяли оба, и к социальному идеалу: соловьевской свободной теократии, как воплощению в социальной реальности принципа всеединства, противостоят анархистские, как их именует Альтмайер, довольно подробно на них останавливаясь, импульсы толстовской мысли [7, р. 296]. В итоге, если оба и исходят изначально из одной и той же точки (или точек) – например, признания дуалистичности человеческой природы и задачи перерастания материально-телесной природы человека в нечто большее, внимание к коллективной эсхатологии – результаты, несмотря на данный параллелизм намерений, оказываются совершенно различными. Соловьев приходит к учению об обожении, встраивая концепцию теозиса в собственную фундаментальную концепцию, и в целом, несмотря на множество факторов, остается крепко связанным с церковной традицией. Толстой же говорит не об обожении (*Vergöttlichung*) человеческого, но скорее об очеловечивании божественного (*Menschensohnschaft*): «...В то время как Соловьев особый упор делает на необходимости духовной жизни, Толстой предлагает радикальное этическое следование примеру Христа (*radikale ethische Jesusnachfolge*)» [7, р. 247].

Подытоживая свое исследование, Альтмайер указывает, что, несмотря на множество общих позиций и интенций, теологические дискурсы Соловьева и Толстого принципиально не могут быть сведены друг к другу, поскольку имеют различную природу – монистически-мистическую в случае Соловьева и рационально-морализаторскую в случае Толстого. Теоретические противоречия усугублялись, приводя к неразрешимому конфликту, и тем, что оба мыслителя абсолютизировали свои позиции и не терпели никакого иного подхода, кроме своего собственного [7, р. 300].

Исследование Альтмайера интересно помимо прочего и связями автора с Германской епископской конференцией – объединением католических епископов Германии, созданным для координации церковной работы, то есть близостью к современным католическим кругам Германии. А это позволяет считать, что некогда подробно прослеженное внимание немецкоязычных – как католических, так и протестантских теологов – к философии Владимира Соловьева все еще имеет место, продолжая богатую

традицию немецкоязычной рецепции творчества отечественного философа⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009.
2. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995.
3. Назарова О. Новейшая рецепция творчества Вл. Соловьева в Германии: Петер Элен // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 3. С. 69–82.
4. Свенцицкий В.П. Лев Толстой и Вл. Соловьев. СПб., 1907.
5. Свенцицкий В.П. Собрание сочинений. Т. 3. Религия свободного человека. М.: Новоспасский монастырь, 2014.
6. Соловьев В.С. Письма. Т. I–IV. СПб., 1908–1923.
7. Altmaier, M., 2014. Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde. Würzburg.
8. Belkin, D., 2000. Die Rezeption V.S. Solov'evs in Deutschland. Tübingen.
9. Belkin, D., 2008. Gäste, die bleiben: Vladimir Solov'ev, die Juden und die Deutschen. Hamburg.
10. Dahm, H., 1971. Vladimir Solov'ev und Max Scheler. Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie im Versuch einer vergleichenden Interpretation. München.
11. Gäntzel, H., 1968. Wladimir Solowjows Rechtsphilosophie auf der Grundlage der Sittlichkeit. Frankfurt am Mein.
12. Reschika, R., 2014. Leidenschaft und Transzendenz: Wladimir Sergejewitsch Solowjows Philosophie der Geschlechtsliebe. In: Reschika, R., 2014. Rebellen des Geistes. Neustadt an der Orla, pp. 145–198.
13. Solowjew, W., 1952–1980. Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew / herausg. Von W. Szyllkarski, W. Lettenbauer, L. Müller, V. Setschkareff, J. Strauch, E. Wedel. Bd. 1–8, Ergänzungsband. Freiburg; München.
14. Stahl, H., 2019. Sophia im Denken Vladimir Solov'evs – eine ästhetische Rekonstruktion. Münster.
15. Wembris, B., 1973. Der Russische Text der 'Rechtfertigung des Guten' von Vladimir Solov'ev. Tübingen.
16. Wenzler, L., 1978. Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev. Freiburg–München.

⁴ О рецепции философии Вл. Соловьева немецкими католическими и протестантскими кругами см. исследование Д. Белкина: [8, p. 139–181].

REFERENCES

1. Losev, A.F., 2009. Vladimir Solov'ev i ego vremya [Vladimir Solovyov and his time]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)
2. Mochul'skii, K.V., 1995. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
3. Nazarova, O., 2016. Noveishaya retseptsiya tvorchestva Vl. Solov'eva v Germanii: Peter Elen [The latest reception of Vladimir Solovyov's works in Germany: Peter Ehlen], Solov'evskie issledovaniya, no. 3, pp. 69–82. (in Russ.)
4. Svetsitskii, V.P., 1907. Lev Tolstoi i Vl. Solov'ev [Leo Tolstoy and Vladimir Solovyov]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Svetsitskii, V.P., 2014. Sbranie sochinenii. T. 3. Religiya svobodnogo cheloveka [Collected works. Vol. 3. The religion of a free man]. Moskva: Novospasskii monastyr'. (in Russ.)
6. Solov'ev, V.S., 1908–1923. Pis'ma. T. I–IV. [The letters. Vol. I–IV]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
7. Altmaier, M., 2014. Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj: Ein Dialog, der nie geführt wurde [Deification according to Vladimir Solovyov and Leo Tolstoy: a dialogue that never happend]. Würzburg. (in German)
8. Belkin, D., 2000. Die Rezeption V.S. Solov'evs in Deutschland [The reception of Vladimir Solovyov in Germany]. Tübingen. (in German)
9. Belkin, D., 2008. Gäste, die bleiben: Vladimir Solov'ev, die Juden und die Deutschen [Guests who stay: Vladimir Solovyov, the Jews and the Germans]. Hamburg. (in German)
10. Dahm, H., 1971. Vladimir Solov'ev und Max Scheler. Ein Beitrag zur Geschichte der Phänomenologie im Versuch einer vergleichenden Interpretation [Vladimir Solovyev and Max Scheler. A contribution to the history of phenomenology in an attempt of a comparative interpretation]. München. (in German)
11. Gäntzel, H., 1968. Wladimir Solowjows Rechtsphilosophie auf der Grundlage der Sittlichkeit [Vladimir Solovyov's legal philosophy based on morality]. Frankfurt am Mein. (in German)
12. Reschika, R., 2014. Leidenschaft und Transzendenz: Wladimir Sergejewitsch Solowjows Philosophie der Geschlechtsliebe [Passion and transcendence: Vladimir Sergejevich Solovyov's philosophy of love]. In: Reschika, R., 2014. Rebellen des Geistes. Neustadt an der Orla, pp. 145–198. (in German)

13. Solowjew, W., 1952–1980. Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew. Bd. 1–8, Ergänzungsband [Complete German edition of the works of Vladimir Solovyov. Vol. 1–8, supplementary volume]. Freiburg; München. (in German)

14. Stahl, H., 2019. Sophia im Denken Vladimir Solov'evs – eine ästhetische Rekonstruktion [Sophia in the thought of Vladimir Solovyov – an aesthetic reconstruction]. Münster. (in German)

15. Wembris, B., 1973. Der Russische Text der 'Rechtfertigung des Guten' von Vladimir Solov'ev [The Russian text of the «The justification of the good» by Vladimir Solovyov]. Tübingen. (in German)

16. Wenzler, L., 1978. Die Freiheit und das Böse nach Vladimir Solov'ev [Freedom and evil according to Vladimir Solovyov]. Freiburg–München. (in German)

